

не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены из всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно против другого; работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук?» (Соч., I, 215—216).

Громадная фраза эта, построенная по правилам семинарского красноречия и гимназической риторики, вполне грамотна и весьма достойна добросовестного ученика семинарии и московской университетской гимназии (как известно, выходцы из этих и подобных учебных заведений М. Антоновский, К. Лубьянович, С. Бобров, М. Доброгорский, П. Икосов и др. составляли костяк как Общества друзей словесных наук, так и соответственно «Беседующего гражданина»). Самая большая по объему, это отнюдь не единственная фраза данного типа в «Беседе» (хотя другие и поменьше). Но дело в том, что подобных фраз, да еще в такой концентрации, у Радищева просто нет — ни в «Житии Ушакова», ни в «Путешествии», ни даже в философском трактате «О человеке».

Простых предложений в «Беседе» мало; даже сравнительно небольшие фразы усложняются различными придаточными предложениями, причастными оборотами и т. п. Примечательно, однако, что при обилии причастий в «Беседе» совершенно отсутствуют характерные для Радищева усеченные, краткие причастия типа «седающ» (например, в «Письме к другу»: «седающ на коне борзом» (Соч., I, 148); «имеющ главу, лаврами увенчанную» (Соч., I, 149); в «Путешествии»: «конец хвоста в зеве держаща» (Печ., 62); «трепещущ нисходит в отверстие» (Печ., 431) и т. д.).

К этому надо добавить, что язык и стиль «Беседы» абсолютно лишены индивидуального «я» и личностного начала, столь характерных для любого произведения Радищева. Собственно говоря, названные свойства относятся не столько к языку и стилю, сколько к специфике художественно-публицистического мышления, образной манере писателя. В этой связи возникает следующий факт.

После приведенной выше тирады о крепостных, которые «не человеки», следует восклицание: «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!» — и далее: «Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в